

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б53

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Дизайн обложки: Анна Ксенз

Б53   Беспринципные чтения. Некоторые вещи нужно
              делать самому / Сборник.— Москва: Издательство АСТ,
              2020.— 253, [1] с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-121075-5

«Беспринципные чтения» возвращаются!

Лучшее от самого яркого и необычного литературно-театрального проекта последнего времени.

Рассказы знаменитых авторов: Алёны Долецкой, Жуки Жуковой, Александра Маленкова, Александра Снегирёва, Саши Филиппенко, Александра Цыпкина и не только.

Самые смешные и трогательные истории со всей страны, которые были прочитаны со сцены авторами и ведущими российскими актерами: Ингеборгой Дапкунайте, Анной Михалковой, Константином Хабенским и другими.

Эти тексты собирали залы от Нью-Йорка до Воронежа. Но читать текст и слушать — разные вещи. Наконец-то их можно прочитать!

© Беспринципные чтения, текст, 2020
© А. Ксенз, иллюстрации, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН

ТРАГИЧЕСКОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Самое удивительное, что история эта основана на абсолютно реальных событиях, разве что немного изменены обстоятельства, имена и кое-какие детали. В нашей стране жить так отчаянно прекрасно, потому что ты можешь выйти на улицу, открыть глаза и лицезреть непрекращающуюся комедию абсурда. Остается верить, что она не закончится драмой. Но я отвлекся.

В городе Каратовске неожиданно наступила весна. Наступила она, как почти во всей стране, непосредственно в собачье дерьмо. Аналогичный казус случился с Виталием Дмитриевичем Кочергой, помощником мэра вышеуказанного населенного пункта. В таком событии нет ничего неприятного или опасного, если только ты не чиновник, опаздывающий на совещание к руководителю. И надо же такому приключиться,

что ботинок господина Кочерги вляпался в позорную субстанцию именно за двадцать минут до начала сакрального для любого госслужащего события. Не буду посвящать вас в технические детали борьбы Виталия Дмитриевича с результатами собачьей жизнедеятельности, отмечу лишь, что эту битву он проиграл, поэтому зашел в кабинет начальника в носках. Мужчина в носках — образ в целом комичный, а уж если речь идет о чиновнике, то тем более. Вишенкой на этом торте служила (да-да, вы не поверите!) дырка в носке.

Мэр города, Тимофей Ильич Маразов, оглядел Кочергу с головы до ног и ожидаемо уставился на отверстие в ткани, из которого смущенно выглядывала бледная плоть его помощника по связям с общественностью.

— Кочерга, здравствуй, рад, что почтил своим присутствием. Не буду врать, мы заждались. А скажи, вышел какой-то новый указ?

— Какой указ? — смущенно перетаптывался Кочерга.

— Являться на совещание к мэру города без ботинок и в носках с дырками.— Тимофей Ильич пояснил свой вопрос и, не дожидаясь реакции подчиненного, высказал иное предположение.— Или это одиночный пикет? А может, этот.. как его?.. Перформанс, да? Дочь меня новому слову научила. Ну чего ты молчишь?

— Тимофей Ильич, наш дорогой Кочерга как бы намекает на свое бедственное положение и требует повышения оклада,— прогундосил заместитель мэра Матвей Петрович Арбузов, отвечавший в этом колллективе, помимо всего прочего, за юмор и другие массовые затеи.

Тимофей Ильич, отметим, тоже за словом по карманам не шарил: «А может, он дает горожанам понять, что беден и не коррумпирован, то есть работает на наш общий имидж, как и должен поступать помощник по связям с обществом». (Слово «общественность» потомственному чиновнику не нравилось, и он всегда заменял его на более понятное.)

— Произошло трагическое недоразумение.— Кочерга замялся, думая, с чего начать, и эту паузу немедленно заполнил Тимофей Ильич.

— Трагическое недоразумение, Кочерга, это то, что твои родители потрахались. А все остальное — следствие этого недоразумения. Ты долго будешь своим пальцем светить? Садись уже! Рассказывай, мы все внимание. Хоть что-то интересное в понедельник.

Получив трибуну, Кочерга начал доклад:

— Спасибо. Извините. Так вот. Перед самым входом в мэрию я наступил в собачье дерьмо...

— Это ничего, я вот, помнится, вступил в дерьмо, вот это была проблема,— не смог удержаться Арбузов.

— Матвей Петрович! — рявкнул мэр.— Кочерга, продолжай.

— Ага, спасибо. Так вот, наступил, надо сказать, так масштабно, с душой. А у меня рифленая подошва, так что полноценно отмыть не удалось, там попотеть придется. Поэтому я мог либо войти в ботинках, но, сами понимаете,— запах, либо вообще пропустить совещание, либо вот — босиком войти. А дырку на носке я не заметил... Мне жена привезет ботинки к концу совещания.

— А носки? Мы теперь волнуемся. Ты, Кочерга, можешь простудиться, тебе надует в палец.— Арбузов понял, что сегодня его день.

— Прекратить КВН! Мы всё поняли, Кочерга, спасибо тебе за заботу об атмосфере. Ладно. Давайте к делу. Мы тебя, наш босоногий друг, не просто так позвали на совещание. Назрела необходимость какой-нибудь социальной инициативы. А то мы давно ничего полезного для города родного не делали,— перешел на отеческий тон Тимофей Ильич, которого немедленно перебил не унимающийся Арбузов.

— Судя по резко растущему индексу доверия, мы и правда давно ничего не делали, предлагаю не начинать.

— Арбузов, ты сейчас у меня дошутишься. Кочерга, есть идеи? Что-нибудь простое, легкое в исполнении и всем нужное. Расстрелять Арбузова не предлагать.

Матвей Петрович не ожидал удара и пропустил. Чем ответить, он не нашелся.

— Я, Тимофей Ильич, всегда с вниманием отношусь к знакам,— таинственно начал Кочерга.

— Дорожного движения?

Кочерга как будто бы забыл про дырку в носке и преобразился в Цицерона.

— Нет, я скорее про приметы и так далее. Мне вот кажется, если я по дороге на совещание наступил в собачье дерьмо, не знак ли это провести субботник и убрать это самое дерьмо с улиц, ну или хотя бы из какого-нибудь парка. Все это заметят, а парки после зимы и правда в ужасном состоянии. К тому же это определенный жест в сторону ностальгирующих по СССР.

— Что делающих по СССР? Кочерга, ты за словами походи! — нахмурился мэр, боровшийся с различным непотребством, особенно в русском языке.

Цицерон осекся и начал оправдываться.

— Ностальгирующих. Ну, то есть тоскующих по прошлому.

Мэр вслушался и успокоился. Почудилось.

— Какой ты сложный, Кочерга! Можешь попроще выражаться? Но мысль неплохая. Свежий воздух, все могут принять участие, даже я. Непонятно только, кто собачье дерьмо убирать будет. Кого назначить?

— Можно вместо выговора,— неожиданно дал о себе знать зам по кадрам Хорьков.

Реакция начальника надолго отбила у других участников собрания проявлять хоть какую-то

инициативу, а знатоку истории Арбузову напомнила судьбу изобретателя Медного быка.

— А что, толковое предложение. Вот я тебе, Хорьков, первому выговор и объявляю. И ты знаешь, за что! Это придурок Зачайкин — твоя креатура. Ладно, это потом. Короче, с дерьмом вопрос решили. Хорьков и его команда — ответственные. Мне идея с субботником нравится. Не расстрел Арбузова, конечно, но, думаю, город оценит. Да, Матвей Петрович? Что скажешь за субботник?

— Мне нельзя,— буркнул недорасстрелянный Арбузов.

— Это почему это?

— Шаббат. Бог запретил мне работать в субботу. Тимофей Ильич даже крякнул от креативности своего заместителя.

— Арбузов! Ты же русский!

— Да, но бывший муж моей жены еврей, и дома установилась традиция. Не хочу ее нарушать. Шучу я! Что вы все глаза раскатали. Да за субботник я, конечно! Хорошая мысль. И бюджет на метлы и т. д. вроде есть. Что убирать будем? Кочерга, что ты там про парк рассказывал?

— Я предлагаю убрать наш главный парк «Березки». Я в нем был на выходных. Постыдное зрелище.

— Много работы Хорькову? — ехидно уточнил Арбузов.

— В каком смысле? — Кочерга напрягся в поисках логики вопроса.

— Ну что там с собачьим дерьмом?

— А, вы про это. В «Березках» с дерьмом совсем плохо.

— В смысле — оно есть или его нет? — уточнил мэр, анализируя диалектичность фразы «с дерьмом все плохо».

— Есть. Предостаточно. Но и помимо него очень много мусора.

— Вот и решили. Значит, так. Убираем парк «Березки». На субботник идут все семьями. Первым составом. Никаких любовниц. Только жены. Дети с семи лет тоже обязаны быть. Собрать прессу. Все подговорить так, чтоб аж в Москве про «Березки» услышали! Кочерга свободен. Переходим к строительным вопросам.

— А можно я еще тут у вас посижу? Жена только через 20 минут будет, не хотелось бы босиком по мэрии ходить.

— Сиди, горемыка.

Подготовка к субботнику прошла успешно. Наступила пятница. Тимофей Ильич тратил утро на созерцание новой мебели, поставленной в его уютный спецкабинет для личных встреч. Хорьков проводил со своими подчиненными разъяснительную работу и угрожал уголовным преследованием за неявку. Арбузов ругался с любовницей из-за сорванного субботнего randevu. И только Кочерга хотел принять яд. Любой. Он никак не мог решиться сообщить Тимофею

Ильичу пренеприятнейшее известие. Но наконец собрался. Секретарша его впустила.

— Кочерга, ты чего такой бледный? Надо тебе чаще гулять. Ну завтра вот проветришься. Рассказывай, как там наш субботник? Пресса будет? Парк нас ждет? — Маразов кормил живущую в кабинете игуану, которую ему подарили московские коллеги.

— Тимофей Ильич, произошло трагическое недоразумение,— проблеял помощник мэра по связям с обществом.

Мэр отвлекся от ящерицы и уставился на ботинки Кочерги. Вероятно, автоматически реагируя на знакомое словосочетание. Затем опомнился и моментально ощерился.

— Какое, блять, недоразумение трагическое?! Что с парком?

Кочерга покрылся испариной и испытал то самое уникальное чувство, знакомое российским чиновникам, ожидающим разноса от начальства. Чувство неизбежного индивидуального конца света, от которого не спасет даже смерть.

— Его убрали.

Тимофей Ильич взял паузу. Рассмотрел Кочергу внимательно, как бы пытаясь понять, не подменили ли его, а потом резанул:

— Куда убрали?! Ты что несешь, кретин?!

Испепеленный Кочерга отреагировал стремительно.

— Убрали — в смысле вычистили. Вчера сотрудники Регионхимсервиса вышли всем коллективом и убрали парк. Он совершенно чистый. Нам там нечего завтра делать.

Надо отдать должное Тимофею Ильичу, в панику он впадал редко, но и так же редко недооценивал угрозу его чиновничьему существованию.

— Откуда ты знаешь? Почему в новостях не было?

— Они не приглашали прессу. Я случайно в инстаграме увидел, ну и заехал с утра. Проверил.

— И как?

— Как в операционной.

— Арбузова ко мне,— крикнул в трубку своей секретарше настроившийся на ярость Тимофей Ильич.

— Что скажешь, Матвей Петрович. Диверсия? Думаешь, Исаулов специально наш парк убрал? Мстит?

Весельчак Арбузов почему-то беспокойства шефа не разделял.

— Вряд ли. Думаю, просто совпадение. А что вы так волнуетесь, ну уберем другой парк.

— Арбузов, знаешь, за что я тебя люблю?

— За что? — Матвей Петрович стучал по аквариуму и пытался привлечь внимание игуаны.

— За то, что идиот полный. На твоём фоне я реально Ломоносов. Мы уже всех в «Березки» пригласили! Всех! Хочешь сейчас перенести и всему городу показать, что мэр вообще не в курсе, что где происходит?!

— Не подумал. Виноват,— раскаялся Арбузов, и с фантастической скоростью, опять же свойственной российским чиновникам, попавшим в безвыходное положение, придумал дичайший по своей абсурдности план Б.

— Тогда давайте срочно засрем парк обратно. Есть сутки. Делов-то. Еще и Регионхимсервису пистон вставим. Мол, даже парк убрать нормально не могут. Сплошной подлог.

— Мне иногда кажется, Арбузов, что тебя уронили в детстве. Ты как это предлагаешь сделать?! Выставку собак там за сутки провести или рок-концерт?! Как ты его засрешь за сутки?!

— Найдем агентство. Пусть разбираются.

— Да ты просто Эйнштейн, Арбузов! Может, тебе в президенты пойти? — Тимофей Ильич оперся на стол для устойчивости. — А ты не подумал, как мы этот замечательный заказ агентству объясним?! Что их сотрудники подумают? Я прямо-таки представил, как тебя арестовывают за то, что ты заказал агентству засрать парк за народные деньги.

Матвей Петрович, необходимо заметить, был предельно спокоен и даже в чем-то снисходителен.

— Ну зачем же за народные? Есть у нас должники. А агентству прилетит заказ как бы от ваших недоброжелателей. От москвичей. Люди в агентстве будут думать, что засирают парк на московские деньги, специально чтобы подставить вас во время суббот-

ника. Даже если вскрыется — мы ни при чем. У меня человек надежный, хозяин агентства, а ему я объясню, что идет борьба с Регионхимсервисом и они нам устроили диверсию. Попрошу молчать. Завтра придем в абсолютнейшую помойку.

Тимофей Ильич сел в кресло и улыбнулся.

— Арбузов, ты, только когда жопа в огне, соображать начинаешь? Ведь толково придумано! Кочерга, учись! Значит, так, об операции никому. Кочерга, реализация на тебе. Матвей Петрович стратегию определил. Ты уже отработай детали. И это. Кочерга. Проследи, чтобы засрали на полшишечки, чтобы выглядело, будто Регионхимсервис хреново убрал. Понятно? Все собираемся у мэрии завтра в девять. Тут до парка пять-десять минут идти.

— Конечно, Тимофей Ильич.

Прикормленное агентство принялось выполнять оригинальный заказ с особым рвением. Бюджет в этом году сводился с трудом, и неожиданный приход вернул многим надежду на летний отпуск. Креативный директор переживал, что не сможет подать проект на «Каннские львы». Идея вывезти ночью в парк собак из приюта, предварительно устроив им небольшую медикаментозную стимуляцию, была признана коллегами исключительно продуктивной. Не говоря уже о плане-перехвате машин с мусором. Кочерга даже не поехал в парк, так как уже по видео было понятно, что агентство с задачей справилось.

Ранним субботним утром от мэрии к парку двинулась странная колонна. Мужчины в камуфляже и с лопатами, женщины на шпильках, при полном параде и с метлами (казалось, они вернулись с ночного шабаша) и, наконец, ряд граждан почему-то с вилами. Четких инструкций по инструментарию не написали, и каждый взял, что посчитал нужным. Все вместе это напоминало сумбурный Хеллоуин или начало погрома времен Гражданской войны. В глубине парка находилась бывшая усадьба купца Парамонова, разграбленная в 1919 году, что добавляло символизма. Тимофей Ильич нацепил зачем-то бело-красную форму олимпийской сборной России, а вот Хорьков в своих болотных сапогах и перчатках по плечи напоминал палача. Кочерга, захвативший грабли для себя и Арбузова, семенил рядом с начальством в какой-то несуразной длиннополой куртке, которую ему выдал тесть. Вокруг Кочерги кучковались журналисты с камерами и блогеры с телефонами. Они убирать, разумеется, ничего не собирались, поэтому оделись достаточно празднично. Войдя в парк через главные ворота, колонна остановилась на небольшой площадке, с которой расходились аллеи в разные стороны.

Тимофей Ильич смотрел на зеленые насаждения, как Наполеон на Ватерлоо. Интересный перед ним и всеми остальными участниками акции открылся пейзаж.

Кочерга начал медленно, по молекулам, превращаться в камень.

Парк «Березки» был девственно-чист. Ни пылинки. Казалось, даже муравьи в нем ходят в бахилах. Арбузов цвета пахучего парного молока кому-то позвонил, позеленел и что-то сказал Кочерге на ухо. Глаза Кочерги мгновенно начали смотреть в разные стороны, язык выпал, все конечности задвигались хаотично. В таком виде он подошел к Тимофею Ильичу.

— Тимофей Ильич, произошло трагическое недоразумение... Агентство перепутало парки. Они отработали парк «Дубки»,— голосом, похожим на вой канализационной трубы зимой, зачитал свой и арбузовский смертный приговор Кочерга.

Он ожидал, что земля развернется под ним прямо сейчас: точнее, Тимофей Ильич ее раздвинет руками и затолкает туда своего помощника. Но...

В жизни каждого российского чиновника рано или поздно наступает момент истины, когда высшая сила проверяет, не зря ли она вселила эту душу в тело, выбравшее такой извилистый жизненный путь, как служение народу. Прохождение теста ведет тело к высотам государственной карьеры и обнуляет карму. Провал — ну сами понимаете.

Тимофей Ильич посмотрел на небо, поблагодарил за оказанное доверие и шепнул Кочерге: «Журналистам скажи, чтобы камеры включили».